

Александр ЛАЗАРЕВ: Я не испытываю чувства ревности к исполнителям, которые становятся за дирижерский пульт

— Когда-то Вы сказали, что играете только музыке, написанную после Брамса или начиная с Брамса. Изменилась ли эта установка с годами?

— Конечно же, симпатии меняются, как и мы сами. Из пятнадцати симфоний Шостаковича моей самой любимой поначалу была Шестая, а в разные периоды жизни я любил разные симфонии.

Был период увлеченности музыкой Малера, связанной с работой в Германии, тогда еще Западной. Наверное, немцы рассчитывали, что я приеду и стану показывать русскую музыку. Я же решил извлечь для себя колоссальную пользу: освоить тот репертуар, который в связи с занятостью в театре прошел мимо моего внимания, а именно — Р. Штраус, Малер. Я очень многому научился, работая именно с немцами, которые музыку этих композиторов хорошо знают и чувствуют.

Но прошли годы, и мне все меньше хочется исполнять Малера. В силу повторяемости его идей и образов, в силу не очень близкой мне оркестровки, скажем так. Все новое, что делал Малер, значительно лучше делал Шостакович. И творчество Шостаковича все более и более меня привлекает. В сезоне 2000—01 в Англии я исполнил все 15 симфоний.

Сейчас круг моих интересов складывается, в основном, из музыки русских композиторов, точнее, русско-советских. Из западных я бы назвал Рихарда Штрауса.

— С 1994 — Вы главный приглашенный, а с 1997 — главный дирижер Национального королевского симфонического оркестра Шотландии. Сколько концертов Вы даете с этим оркестром в течение сезона? Насколько сильно Ваше влияние на репертуарную политику коллектива?

— Количество концертов определено контрактом, равно как и время, которое я провожу с оркестром. Я бываю в Шотландии приблизительно два месяца в году. Это был мой выбор. Я считаю, что главный дирижер не должен надоедать, не должен быть «бельмом». Должна быть открыта дорога другим дирижерам. И в этом смысле политика, которая проводится в шотландском оркестре, меня вполне устраивает. Там есть хорошие менеджеры, которые приглашают дирижеров для разных целей, дирижеров разного калибра.

Конечно, мое мнение влияет на репертуар, так сказать «право первого».

В 2000 мы решили провести в течение полутора сезонов весь цикл Шостаковича. Я определил круг сочинений, которые, на мой взгляд, хорошо сочетаются с Шостаковичем. Это, естественно, Малер, Мусоргский и Бетховен (все фортепианные концерты).

Затем был сезон Прокофьева, основу которого составили все его симфонии. А их хорошо играть с Чайковским и с Моцартом. Поэтому были созданы программы, где звучали «Моцартиана» Чайковского, концерты и Концертная симфония Моцарта. В этом сезоне за основу взята, конечно же, Рихард Штраус.

Что касается репертуара приглашенных дирижеров, то я вообще не люблю навязывать свое мнение. Есть менеджер, который знает, у кого что лучше получается. Четко скажу, мне эта ответственность совсем не нужна. Мне важнее другое — определить, что я буду играть в этом сезоне, а что — в следующем. И эти произведения я «не отдаю» никому.

«Strauss Series» Национального Королевского симфонического оркестра (RNSO) Шотландии с Александром Лазаревым.

Каждая программа звучит три раза — в Эдинбурге, Глазго и Эбердине.

Октябрь. Р. Штраус. Праздничная Прелюдия. Концерт для скрипки с оркестром. «Так говорил Заратустра». Солист Борис Белкин.

Ноябрь. Р. Штраус. «Смерть и просветление». Брамс. Двойной концерт для скрипки и виолончели с оркестром. Глазунов. «Времена года».

Февраль 2004. Хачатурян. Сюита из балета «Гаянэ». Концерт для скрипки с оркестром. Р. Штраус. «Домашняя симфония». Солист Гайк Казазян.

Март. О. Сирл. «Нью-Йорк». Мендельсон. Концерт № 2 для фортепиано с оркестром. Р. Штраус. «Жизнь героя». Солист Ж.-Б. Помье.

Апрель. Шуман. Концертштюк для четырех валторн. Мендельсон. Концерт для скрипки с оркестром. Р. Штраус. «Метаморфозы». Солистка Лейла Йозефович.

Апрель. Мусоргский. «Ночь на Лысой горе». Шостакович. «Казнь Степана Разина». Р. Штраус. «Альпийская симфония». Солист Михаил Светлов.

— В западных оркестрах всегда много дирижерских должностей — главный, главный приглашенный, почетный приглашенный и так далее. Кто такой главный дирижер?

— Я стою на позиции, что оркестру необходим главный дирижер — человек, который отвечает за репертуарную политику.

В Лондоне есть оркестр BBC, имя известное. В оркестре играют превосходнейшие музыканты. А если поставить вопрос так: а что этот оркестр играет? Ответ — все. А что он может нам продемонстрировать, какие традиции? «Концертгебау» — это оркестр малеровский. Туда нужно приезжать и слушать, как эти традиции передаются из поколения в поколение. Не знаю, как сейчас, а раньше Бетховена играли в Берлине. А что оркестр BBC? Они играют современную музыку — многие игра-

ют современную музыку. Я не говорю, что это плохо. Для меня есть некий фокус — есть коллектив и есть лицо, которое стоит за этим коллективом: лицо, которое несет ответственность за свой очень важный участок.

Крайность — когда главный дирижер определяет все. Зачем ему это надо, я не знаю, в принципе — это лишней «хомут на шею». Есть художественный совет в оркестре, есть менеджер. Финансовая политика тоже определяет многое. И забывать о том, что такое бокс-офис, я бы никому не рекомендовал ни в Москве, ни в Великобритании. Если со всем этим не считаться, оркестр может оказаться на уровне банкротства.

— Кто из дирижеров прошлого и настоящего — Ваши кумиры? Как Вы относитесь к массовой тенденции исхода исполнителей в дирижеры?

— Если говорить о прошлом, то есть люди, которым я благодарен, на творчестве которых я учился, рос, воспитывался. Мравинский, Кондрашин, Светланов. Неважно, какие личные отношения были у меня со многими из них. Нельзя забыть такие фигуры, как Натан Григорьевич Рахлин, Николай Семенович Рабинович, мой учитель — великий профессор Лео Морицевич Гинзбург.

Что касается сегодняшнего дня и «исхода людей в дирижерскую профессию», скажу так: если людям интересен этот художник, они ходят на его концерты — дай Бог... Каждый приходит в дирижерскую профессию своим путем. Могу сказать, что мои семь лет, проведенные в дирижерском классе Московской консерватории, прошли не напрасно. Я до сих пор всякий раз, когда общаюсь с новым сочинением, с благодарностью вспоминаю своего профессора Гинзбурга. Как же я ему благодарен за все то, чему он меня научил!

Для меня есть один критерий. Если у тебя календарь занят, значит, ты нужен; если календарь свободен — думай, почему он свободен. Если люди — не музыканты — ходят на концерты, значит им интересна эта персона.

Я не испытываю чувства ревности к исполнителям, которые становятся за дирижерский пульт. Другой вопрос, пойду ли я на чьи-то концерты. Но если люди хотят их слушать, что в этом плохого?

— Создается впечатление, что солисты, с которыми Вы выступаете, — в основном, российские музыканты.

— Неправда, совсем нет. Я очень мало общаюсь с русскими музыкантами. И могу только выразить сожаление по этому поводу, потому что мне бы хотелось чаще играть с ними.

— Но, например, в планах нынешнего сезона — «Рахманиновский» проект с лондонским оркестром «Филармония» и Михаилом Плетневым...

— У меня добрые отношения с оркестром «Филармония». В мае мы играли в Лондоне с Михаилом Плетневым d-moll'ный концерт Моцарта. Играли в Royal Festival Hall Первый концерт Шопена в оркестровой редакции Плетнева. На мой взгляд, то, что он сделал с партитурой, — замечательно. В нынешнем сезоне у нас два совместных концерта с оркестром «Филармония».

Александр Лазарев и Михаил Плетнев дважды выступили с оркестром «Филармония» в этом сезоне. 25 ноября. Рахманинов. Концерт № 4 для фортепиано с оркестром. Римский-Корсаков. «Шехеразада». 27 ноября. Рахманинов. Концерт № 2 для фортепиано с оркестром. Скрябин. Симфония № 3.

В сентябре на фестивале «Proms» А. Лазарев и RNSO исполнили Седьмую симфонию Шостаковича и Первый фортепианный концерт Прокофьева. Солист Николай Луганский.

13 декабря состоится «Русский концерт» оркестра «Филармония» в Бирмингеме. Римский-Корсаков. Испанское каприччио. Чайковский. Сюита из балета «Щелкунчик». Рахманинов. Рапсодия на тему Паганини. Дирижер Александр Лазарев, солист Борис Березовский.

В июне Александр Лазарев выступит с Сиднейским симфоническим оркестром. Канчели. «Стикс». Шостакович. Симфония № 7. Солист Юрий Башмет.

— Ваши планы на будущее связаны каким-либо образом с российскими оркестрами?

— С российскими оркестрами у меня нет планов. Состоялся один концерт с Российским Национальным оркестром. Но он был организован Фондом Светланова — пригласили оркестр и пригласили меня. Нас, можно сказать, свели вместе. С РНО мы довольно живо начали обсуждать творческое сотрудничество на следующий сезон, но не смогли договориться по поводу репертуара.

— А предложения возглавить какой-либо российский коллектив тоже не поступали?

— Так я не могу сказать. Но, видимо, существуют причины, стоящие над нами. У меня было предложение из Госоркестра, но в Министерстве культуры этот шаг сочли неправильным. Я с уважением отношусь к Министерству культуры... Но говорить, что меня не зовут, — это неверно.

Вот, допустим, Ленинградская филармония, с которой меня связывает тридцатилетняя дружба. Я всегда раз или два в сезон выступал с ЗКР АСО. И в последний раз была назначена дата концерта. Я никогда свои концерты не отменяю, если обещал — играю. В течение года я говорил своему агенту, что эта дата занята. Были предложения на это время, но я отказывался, несмотря на

А. Лазарев в период работы главным дирижером Большого театра (1987—1995)

то, что в Ленинград едешь исключительно для удовольствия. И вдруг, где-то за месяц до концерта меня попросили перенести репетиции из Большого зала в фойе филармонии. Дальше — больше, стали передвигать концерт. Потом сказали: у нас запланирован банкет в зале филармонии, Вы где-то там проведете репетицию, потом у Вас будет два свободных дня — суббота и воскресенье. А вечером в воскресенье Вы сыграете концерт. Я понял, что мое присутствие там совсем необязательно. Естественно, я не поехал и думаю, что долго не поеду.

(В абонементе ЗКР АСО нынешнего сезона концерт Александра Лазарева объявлен 4 апреля 2004 — прим. ред.).

— Вы говорили в одном из интервью, что Вам нужно «отстояться», и, может быть, появятся планы постановки в Большом театре. Существуют ли эти планы?

— Пока меня никто не зовет и не собирается звать. Может быть, это и правильно. Я отношусь с уважением к людям, которые сейчас там работают, и желаю им успехов. Здесь мне нечего сказать.

А вообще, о постановке надо долго думать. Меня угнетает скоропалительность — это философия временщиков. «Давайте непременно сегодня, завтра будет уже поздно». Так не бывает. Для того, чтобы сделать хороший оперный спектакль, нужен «разбег». Если предполагается хороший артист, значит он занят. Значит, либо нужно ждать, либо...

Что касается концепции Большого театра, для меня она, в общем-то, не изменилась. Когда я пришел в театр в 1987, то объявил о том, что Большой театр — это дом (не Дом-музей, а дом) Чайковского и Римского-Корсакова. Я не упоминал еще одно имя, тогда я просто не знал — можно или нельзя так декларировать. Имя Рахманинова, которое должно быть в этом ряду. Но я все-таки успел поставить «Алеко» и «Скупого рыцаря», не успел «Франческа». Поставил «Младу», «Ночь перед Рождеством», «Орлеанскую деву». Предмет моей гордости — спектакль «Жизнь за царя», поставленный в оригинале: от первой до последней ноты так, как написал Глинка «Жизнь за царя», включая арию «Братцы» с ре бемолями наверху для тенора. Это была очень интересная и исследовательская работа.

Я был очень обеспокоен, когда Ростропович начал ставить «Хованщину» в оркестровке Шостаковича. Двух «Хованщин» на сцене быть не может и не должно. Была постановка Голованова, «старая» «Хованщина» в оркестровке Римского-Корсакова. Да, это ветхий спектакль, и, работая в театре, я очень ясно понимал, что если ставить новую «Хованщину» или нового «Бориса Годунова» после Голованова, Пирогова, Рейзена и художника Федоровского, должен быть спектакль, который перешагнет предшественника. Не имея такого потенциала, нельзя браться за это. У меня рука не поднималась, хотя я не самый трусливый человек. У меня было желание, но не было уверенности, не было команды на постановку такого рода. Меня поразила легкость, с которой было принято решение в Большом театре поставить Мусоргского. И с какой легкостью потом этот спектакль был забыт. И что случилось? Того нет и этого нет. Я всегда думал, пусть лучше остается «старое», пока нет возможности создать что-то лучшее. Таково было мое видение театра.

— Судя по всему, Вы стараетесь быть в курсе того, что происходит в культуре России. Что Вы думаете о Президентских грантах?

— Я отношусь к этому решению с большим уважением. Очень хорошо, что это все-таки сделано. Но мне непонятно, как такие коллективы, как Московская филармония или второй ленинградский филармонический коллектив могли оказаться «за бортом». Коллективы, которые имеют колоссальную историю. Думаю, что в Указе о грантах должен быть и Новосибирский филармонический оркестр. Есть в этом какой-то «недогляд», и некоторые коллективы имеют все основания быть разочарованными. В этом проявляется, на мой взгляд, и неуважение к очень весомым людям. Но, наверное, все не бывает гладко...

Беседовал Михаил СЕГЕЛЬМАН

(12.12.2003)
 Лазарев Александр
 Дирижер
 Муз. обозрение. — 2003 — дек. (12) — с. 10

28